

УДК 130.2

РУССКИЙ МИР: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

© 2014 г.

С.Н. Кочеров

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

kocherov@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.06.2014

Рассматриваются и классифицируются основные подходы к понятию русского мира. Доказывается, что не может быть русского мира без русской идеи, которая задает общую цель и через нее определяет общий проект развития. Дается критический анализ воззрений на русский мир евразийцев и западников.

Ключевые слова: русский мир, русская идея, культура, цивилизация.

Введение

В последнее время, на фоне обострения отношений между Россией и Западом, возросла актуальность понятия русского мира как цивилизационной общности людей и народов, объединяющихся вокруг своего исторического и культурного центра – России. Кто из мыслителей первым предложил этот концепт, установить сложно. Одни исследователи полагают, что его открыл граф С.С. Уваров, который в 1833 г. в докладе царю Николаю I назвал «собственными началами России» знаменитую триаду – православие, самодержавие, народность [1]. Другие вспоминают драматурга А.Н. Островского, понимавшего русский мир «как человеческое сообщество православных христиан, живущих в единстве веры, обрядности и обычаев» [2, с. 16]. Обе точки зрения имеют право на существование, однако не могут считаться бесспорными, так как их сторонники либо не приводят конкретных ссылок, либо не делают различия между «русским миром» как понятием и словосочетанием.

Весьма соблазнительно, с точки зрения современных политических реалий, представить «крестным отцом» русского мира Н.Я. Данилевского, предложившего в 1871 г. свое понимание России как ядра славянского культурно-исторического типа. В своем труде «Россия и Европа» он заявил об исторической и культурной оппозиции этих цивилизаций. По его мнению, несходство европейского и российского миров, коренящееся в различии основ их существования, выражается в противоположности национальных характеров и способов действия [3, с. 179–193]. В силу данных причин романо-германская Европа не признает Россию своей, видит в ней нечто чуждое и враждебное и стремится – если не может покорить ее –

использовать в своих интересах, как подручный материал. По Данилевскому, Россия должна ответить на это, сделавшись главой федерации славянских государств и обеспечив полное развитие славянского культурно-исторического типа. При этом, однако, мы не найдем у мыслителя понятия «русский мир».

В современный период внимание отечественных авторов к понятию русского мира возникло в связи с проблемой самоопределения постсоветской России. В начале 2000-х гг. к его анализу обратился ряд исследователей, причем один из них – П.Г. Щедровицкий – в труде его сторонников даже был назван «несомненным автором идеи русского мира» [4, с. 40]. Сам Щедровицкий не претендовал на подобные лавры, но констатировал, что «в XX веке под воздействием тектонических исторических сдвигов, мировых войн и революций на планете сложился *русский мир – сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке*. Не секрет, что на территории, очерченной административными границами РФ, проживает едва ли половина населения русского мира» [5]. Признание существования русского мира, согласно Щедровицкому, «позволяет говорить о *русском капитале, совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выразимых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка*» [5]. Подобная позиция в известной мере задавала основания для дискуссий о русском мире как экономическом, политическом и культурном пространстве, населенном носителями русского языка и русской культуры.

В настоящее время понятие «русский мир» интерпретируется в работах российских исследователей, по меньшей мере, с четырех различных точек зрения. Во-первых, он понимается

как геополитическая реальность, стремящаяся вернуться к своим естественным границам (А.Г. Дугин, А.М. Столяров, В.Л. Цымбурский). Во-вторых, русский мир осознается с геоэкономических позиций как сеть сообществ, где происходит концентрация и повышается производительность русского капитала с целью формирования инновационной экономики, развития человеческих ресурсов и совершенствования институтов в ядре русского мира, – России (П.Г. Щедровицкий, Т.В. Полоскова, В.М. Скринник). В-третьих, русский мир воспринимается как уникальная этнокультурная общность людей, объединенных русским языком, своей историей, нормами и ценностями, проживающих далеко не только в России (В.А. Никонов, Н.Н. Нарочницкая, В.А. Тишков). В-четвертых, русский мир позиционируется как православная цивилизация, включающая в себя под именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову (Патриарх Кирилл, Лаврентий Черниговский). Особую значимость понятию русского мира в настоящее время придает неоднократно высказанная публичная поддержка этому концепту со стороны президента России В.В. Путина.

Общим для приведенных выше концепций русского мира является убеждение всех его сторонников в том, что Россия представляет собой не просто государство, пусть и с очень большой территорией, но целый мир со своей особой культурой, имеющей далеко не локальное значение. Так, политолог О.Н. Батанова характеризует русский мир как «глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и равнодушны к ее делам и судьбе» [6, с. 83–84]. По мнению украинского философа В.Ю. Даренского, русский мир – понятие, обозначающее объективно сложившуюся культурно-историческую общность этносов и населяемых ими территорий, в течение длительного времени находящихся или находившихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры. Русский мир может рассматриваться как одна из цивилизаций, имеющая ряд специфических особенностей социокультурного бытия, определяемых объективными факторами исторической жизни [7, с. 214]. В этом смысле данный мир вполне может быть сопоставлен с американским, европейским, китайским, исламским миром.

Но если русский мир представляет собой не только место проживания этносов, близких в этническом и культурном отношении, но и особую, уникальную цивилизацию, возникает закономерный вопрос: что ему эту уникальность придает. Ведь нельзя не признать, что многие русские люди, живущие в России, и наши соотечественники за границей не видят непреодолимых цивилизационных различий между Россией и Европой. В этой связи можно вспомнить, как негативно встретили выход книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» такие русские философы, как В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Г.В. Флоровский и другие, которые как раз видели в духовном призвании России не локально-цивилизационное, но вселенское, универсальное начало. В чем же следует искать то «сочетание разума с духом», которое, по мнению современного российского философа В.М. Межуева, укажет «путь к воссоединению России с остальным миром, а не к ее обособлению от него»? [8, с. 87]. Для этого, на наш взгляд, недостаточно политической географии, знания русского языка и русской культуры, исповедания православия и общей исторической памяти, т.е. тех признаков, которые в своей совокупности, как полагает большинство исследователей, конституируют социокультурную общность под названием «русский мир».

В этой связи можно лишь посоветовать, что в современных дискуссиях о русском мире очень редко встречается упоминание о работе русского поэта-символиста и философа В.И. Иванова «О русской идее», опубликованной в 1909 г. в журнале «Золотое руно». Между тем Вячеслав Иванов был первым среди отечественных мыслителей, писавших о русской идее, кто соотнес ее с русским миром. В указанной статье он сравнивает национальные идеи римского и русского мира. «Пусть другие, – цитирует он поэта Рима, – делают мягким металл и живым мрамор, и дышащими под их творческим резцом возникают статуи: они сделают это лучше тебя, о римлянин! Ты же одно памятуй: править державно народами, щадить побежденных и низлагать надменных». Так говорит Вергилий за свой народ и от его имени народам и векам и, говоря так, утверждает не эгоизм народный, но провиденциальную волю и идею державного Рима, становящегося миром» [9, с. 231]. Отталкиваясь от римской идеи, Иванов формулирует свое понимание русской идеи. Он утверждает, «что не в государственности мы осознаем назначение наше и что даже если некая правда была в имени "третьего Рима", то уже самое наречение нашей вселенской идеи... именем "Рима третьего", т.е. Римом Духа, говорит нам:

"Ты, русский, одно памятуй: вселенская правда – твоя правда; и если ты хочешь сохранить свою душу, не бойся ее потерять"» [9, с. 231]. Миссия России, по В.И. Иванову, состоит в том, чтобы вознести миру, переживающему великий кризис, светоч нового мировоззрения, которое будет новозаветным синтезом всех жизненных начал и станет основой органической культуры будущего.

Независимо от того, насколько был прав Иванов в своем понимании миссии русского мира и насколько оно соотносится с современным состоянием России, не вызывает сомнения сделанный им вывод: **не может быть русского мира без русской идеи**. Для того чтобы люди чувствовали и сознавали свою принадлежность к великой общности, необходимы, но недостаточны связь со своей землей, общий язык и культурные нормы, традиционные верования и уважение к прошлому. Жизненно нужно еще общее понимание идеи, которая задает общую цель и через нее определяет общий проект развития. Иными словами, реальное существование русского мира предполагает целостное представление о целях, смыслах и ценностях его бытия, которые проецируются не только в прошлое, но и в будущее. Без таких целей, смыслов и ценностей, имманентно присущих великой идее, никакие локальные достижения не смогут надолго сплотить представителей даже одного народа в единую социокультурную общность. Неслучайно философ В.С. Соловьев после успешной для России войны с Турцией вступил в полемику с патриотами, предвкусившими скорое «освобождение» Константинополя. «Но самое важное, – утверждал он, – было бы знать, с чем, во имя чего можем мы вступить в Константинополь? Что можем мы принести туда, кроме языческой идеи абсолютного государства, принципов цезарепапизма, заимствованных нами у греков и уже погубивших Византию?» [10, с. 226]. Во имя борьбы с национальным самообожанием В.С. Соловьев призывал перейти от национального самодовольства к национальному самосознанию: от русского мифа – к русской идее.

В этой связи следует напомнить, что идея, объединившая полиэтническую и многоконфессиональную российскую нацию, называется *русской* не потому, что выражает мировоззрение только одного этноса, но потому, что русский народ исторически взял на себя основную работу по социальному и культурному строительству России. В этом созидательном процессе принимают участие не только русские, но и представители всех народов России, причем критерием общности является не пресловутый принцип «единства земли и крови», а признание

общих культурных ценностей и исторической ответственности за свою родину. Только благодаря сотрудничеству всех народов России и родственных русским народам других государств русская идея преодолевает национальные рамки и становится цивилизационной идеей. В этом качестве она представляет идею объединения людей и народов, содержание которого далеко выходит за пределы понятия национального государства. Таким объединением и является исторически сложившаяся социокультурная общность людей, представители которой соединены между собой общими языком, традициями, образом жизни, ценностями и судьбой. В совокупности связей и отношений, проникуемых значимыми для них смыслами, они образуют особую реальность, которую, по аналогии с Римским миром (*Pax Romana*), мы вправе назвать «Русский мир» (*Pax Russiana*).

Этот вывод может быть обоснован посредством осознания того, как русская идея относится к русскому миру. Если данная идея есть не пустое имя, но истинное понятие, то она непременно обладает внутренним содержанием. Таковым является совокупность признаков, свойств и качеств, общих для явлений и событий русского мира. Но единство этих общих характеристик и представляет сущность данного мира. Таким образом, содержательное определение русской идеи тождественно описанию сущности явлений и событий, входящих в русский мир на правах членов единого множества. При этом следует учитывать, что члены этого множества не статичны: они пребывают в становлении, которое периодически вызывает изменение характеристик всей системы в целом. Динамизм русской жизни, историческое и культурное развитие русского мира требуют его самообновления. Познание русского мира предполагает постижение всех заложенных в нем возможностей, т.е. перспектив и значений путей развития. Ибо суть существования социокультурной общности, в которой культура является способом бытия социума, заключается не только в том, что и как она делает, но и в том, для чего она это делает. Поэтому русская идея раскрывается через развертывание цели и смысла русского мира, предлагая всем его представителям, не забывая уроков прошлого, двигаться к желанному будущему.

Последнее тем более важно, что, несмотря на богатство русской культуры и достижения российской цивилизации, на наш взгляд, еще существует некая незавершенность культурной самоидентификации и цивилизационного самоопределения русского мира. Так, в России никогда не было единого мнения о том, представляет ли она собой Европу, Азию, Европу и

Азию или ни Европу, ни Азию. Эта проблема возникала с новой силой всегда, когда русский мир оказывался перед историческим выбором, вступая в контакт с более сложной культурой и более развитой цивилизацией (сначала византийской, затем европейской). Хотя данная задача могла иметь четыре указанных варианта решения, реальный выбор обычно сводился к альтернативе самобытного и европейского развития России. Евразийцы провозглашали «исход к Востоку» и отмечали значение «туранского элемента» в русской культуре, но, согласно их учению, Россия должна не столько признать себя Азией, сколько отказаться от подражания Европе. «Мы должны осознать себя евразийцами, – писали они в своей программной статье, – чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго» [11, с. 256–257]. Принадлежность России равно к Западу и Востоку понималась этими мыслителями как отличительное свойство, которое не позволяет определить ее ни как Запад, ни как Восток.

Еще Е.Н. Трубецкой, критикуя А.Н. Бердяева, но, будто предвидя евразийство, отмечал соблазн увлечения связью самобытности России с ее географическим положением. «Мы привыкли видеть в России целый мир, – утверждал он, – и начинаем уже поговаривать о том, что нет в ней ничего местного, ибо она не запад и не восток, а "Востоко-запад"» [12, с. 256]. Возможно, геокультурное своеобразие русского мира заключается в том, что, по словам Ключевского, культура связывала его с Европой, природа влекла в Азию, между тем как общество и государство, на наш взгляд, не могли сделать решающий выбор между ними. Однако русский мир испытывает на себе не только тяготение земли, но и притяжение истории, хотя пока власть пространства здесь более заметна, нежели власть времени.

Или, может, правы западники, которые призывают идти в Европу с ее гарантиями свободы, конституционными ограничениями власти, политической терпимостью, отряхнув с ног прах государственного патернализма с его провозглашением исключительности России, мечтой о сверхдержавности и мессианском величии и призвании [13, с. 31]? Однако русский народ не родился с представлением о своей национальной уникальности и всемирном назначении. С мечтой о сверхдержавности и мессианском величии и призвании его впервые познакомил Византия, затем Европа: сначала на практике (наполеоновские войны), потом – в теории (германская философия). Поэтому стремление к национальной самобытности в

русской духовной культуре можно трактовать как ответ на вызов Европы, данный в той форме, что выработала сама же Европа. Кроме того, российские западники, приводящие логически обоснованные и исторически убедительные доказательства культурного сходства Европы и России, обычно не задаются вопросом, готов ли Запад «принять» Россию в Европу.

Еще Н.Я. Данилевский заявлял, что Европа видит в России нечто чуждое, не способное служить ей материалом, из которого можно извлечь свои выгоды. Правда, говоря о враждебности к России со стороны Европы, Данилевский представлял «временное» как «вечное», не учитывал, что отношение Запада к русскому миру не оставалось неизменным. Было время, когда Европа признавала его своим (Киевская Русь), затем отделяла от себя (Московская Русь), потом удивлялась его силе (Петербургская Россия). Россия спасла Европу от Наполеона и Гитлера, но Запад боялся ее и был к ней враждебен (XIX век), надеялся на ее помощь в мировых войнах, снова боялся и снова надеялся (Советский Союз). С учетом современных реалий, подводя некий общий итог, можно сделать вывод, что Запад в целом относится к России прагматично, считая ее союзной державой или «империей зла» – в зависимости от того, что в конкретный период более соответствует его интересам. Этим он отличается от России, которая вносит в отношения с Западом слишком много эмоций: то самозабвенно подражает ему, то высокомерно отдалается от него, то готова по первому зову прийти на помощь. Такой «инверсионный» подход к Европе, на которую в России часто принято смотреть «и с ненавистью, и с любовью» (А. Блок), подтверждает, что для русского мира его отношение к европейской цивилизации остается не вполне решенной проблемой.

Список литературы

1. Можегов В. О русской идее, триаде графа Уварова и универсальности христианства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/print1593.htm>. (Дата обращения – 25.05.2014); Триада графа Уварова // Стенограмма открытой лекции Алексея Миллера [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>. (Дата обращения 25.05.2014).
2. Шалимова Н.А. Русский мир А.Н. Островского. Ярославль: ЯГТУ, 2000. 251 с.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
4. Полоскова Т.В., Скрипник В.М. Русский мир: мифы и реалии. М.: Русский Архипелаг; СОЛИД, 2003. 128 с.
5. Щедровицкий П. Русский мир. Возможные цели самоопределения // [Электронный ресурс]. URL:

http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015. Дата обращения 26.05.2014.

6. Батанова О.Н. Концепция русского мира: зарождение и развитие // Вестник Национального института бизнеса. М., 2008. Вып. 6. С. 83–91.

7. Даренский В.Ю. «Диалог культур»: панацея или новая мифология? // Глобальное пространство культуры. Материалы Международ. науч. форума 12–16 апреля 2005 г. СПб.: Центр изучения культуры, 2005. С. 212–215.

8. Межуев В.М. Сочетание разума с духом – путь к общечеловеческому единству // Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация. Материалы научного семинара. Вып. № 3. М.: Научный эксперт, 2007. С. 82–90.

9. Иванов Вяч. О русской идее // Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 227–240.

10. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.

11. Евразийство (опыт систематического изложения) // Мир России – Евразия. Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 233–290.

12. Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 242–257.

13. Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

THE RUSSIAN WORLD: THE PROBLEM OF DETERMINATION

S.N. Kocherov

The author considers and classifies the main approaches to the concept of the Russian world. It is proved that there can be no Russian world without the Russian idea, which sets the common goal and through it determines the overall project of development. The article provides a critical analysis of Eurasians' and Westernizers' views on the Russian world.

Keywords: Russian world, Russian idea, culture, civilization.

References

1. Mozhegov V. O russkoj idее, triade grafa Uvarova i universal'nosti hristianstva. [Jelek-tronnyj resurs]. URL: <http://www.apn.ru/publications/print1593.htm>. (Data obrashhenija – 25.05.2014); Triada grafa Uvarova // Stenogramma otkrytoj lekcii Alekseja Millera [Jelek-tronnyj resurs]. URL: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>. (Data obrashhenija 25.05.2014).

2. Shalimova N.A. Russkij mir A.N. Ostrovskogo. Jaroslavl': JaGTU, 2000. 251 s.

3. Danilevskij N.Ja. Rossija i Evropa. M.: Kniga, 1991. 574 s.

4. Poloskova T.V., Skripnik V.M. Russkij mir: mify i realii. M.: Russkij Arhipelag; SO-LID, 2003. 128 s.

5. Shhedrovickij P. Russkij mir. Vozmozhnye celi samoopredelenija // [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015. Data obrashhenija 26.05.2014.

6. Batanova O.N. Konceptija russkogo mira: zarozhdenie i razvitie // Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa. M., 2008. Vyp. 6. S. 83–91.

7. Darenckij V.Ju. «Dialog kul'tur»: panaceja ili novaja mifologija? // Global'noe prostranstvo kul'tury. Materialy mezhdunar. nauch. foruma 12–16 aprēlja 2005 g. SPb.: Centr izucheniya kul'tury, 2005. S. 212–215.

8. Mezhujev V.M. Sochetanie razuma s duhom – put' k obshhechelovecheskomu edinstvu // Hristianskaja civilizacija: sistema osnovnyh cennostej. Mirovoj opyt i rossijskaja situacija. Materialy nauchnogo seminar. Vyp. № 3. M.: Nauchnyj jekspert, 2007. S. 82–90.

9. Ivanov Vjach. O russkoj idее // Russkaja ideja / Sost. i avt. vstup. stat'i M.A. Maslin. M.: Respublika, 1992. S. 227–240.

10. Solov'ev V.S. Russkaja ideja // Solov'ev V.S. Soch.: V 2 t. T. 2. M.: Pravda, 1989. S. 219–246.

11. Evrazijstvo (opyt sistematičeskogo izlozhenija) // Mir Rossii – Evrazija. Antologija. M.: Vysshaja shkola, 1995. S. 233–290.

12. Trubeckoj E.N. Staryj i novyj nacional'nyj mesianizm // Russkaja ideja / Sost. i avt. vstup. stat'i M.A. Maslin. M.: Respublika, 1992. S. 242–257.

13. Janov A.L. Rossija: U istokov tragedii. 1462–1584. Zаметки o prirode i proishozhdenii russkoj gosudarstvennosti. M.: Progress-Tradicija, 2001. 559 s.